
ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

К. Дж. Мартин

ОТРИЦАНИЕ В ЛОГИКЕ БОЭЦИЯ*

Предисловие научного редактора перевода

В предлагаемой обширной статье Кр. Мартин анализирует трактаты Боэция с целью уточнить логическую систему Боэция и место его трактатов в истории логики¹. Автор вступает в дискуссию с основными современными авторами, пишущими о логике Боэция. Большинство из них трактуют систему гипотетических силлогизмов Боэция как вариант пропозициональной логики. Автор показывает, что изучение языка Боэция и в особенности трактовки им отрицания не позволяют считать систему Боэция пропозициональной. Этот вывод важен прежде всего для решения вопроса о стоической логике. Начиная с Я. Лукасевича логику стоиков стали считать пропозициональной, и поскольку цельных работ стоиков до нас не дошло, разбираемые здесь Кр. Мартином трактаты Боэция «О гипотетических силлогизмах» и «Комментарии к “Топике” Цицерона» многие исследователи (например, М. Фреде, 1974; Э. Стамп, 1987) считают одними из основных источников, из которых мы узнаем о стоической логике. Автор показывает, что трактаты Боэция не могут рассматриваться как источник стоических идей. Боэций, по-видимому, был мало знаком со стоическими идеями и не разделял их. Зато, считает Кр. Мартин, трактаты Боэция дают богатый материал для изучения логики перипатетиков и неоплатоников.

Отрицание нигде не выступает у Боэция в качестве пропозициональной функции или операции над высказыванием. Оно — такое же качество сложного суждения, как и простое. У Боэция нет ни идеи пропозициональной формы, ни идеи пропозициональной связи и подстановки. Условное суждение «Если А, то В» Боэций трактует только как истинное высказывание, в котором существование В неотделимо от существования А. Союзы если, то, и Боэций не трактует как пропозициональные связи. Связь между посылкой и заключением условного суждения, так же как связь между субъектом и предикатом простого суждения Боэций представляет как связь между антецедентом и консеквентом истинного условного суждения. Сложные суждения он делит на утвердительные и отрицательные, и, таким образом, отрицание у него выступает таким же качеством сложного суждения, как и простое.

* Перевод и научное редактирование осуществлены при поддержке фонда РГНФ, Проект № 11-03-00170а.

¹ *Martin C. J. The Logic of Negation in Boethius // Phronesis. Vol. XXXVI/3. 1991.*

© И. Баймуратов, пер., 2012

© Л. Г. Тоноян, науч. ред., 2012

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Проведенный Кр. Мартином весьма тщательный анализ системы гипотетических силлогизмов Боэция демонстрирует, что ее нельзя трактовать не только как классическую пропозициональную логику, как это попытался сделать в своей монографии К. Дюрр (K. Dürr, 1951), но и в качестве вообще какой-либо пропозициональной системы, как это пытались представить В. М. Нилы (W. M. Kneale, 1975) и Дж. Барнс (J. Barnes, 1981). Ничего из того, что говорит Боэций, не указывает на принятие закона условно исключенного третьего. Автор статьи считает, что пропозициональная логика была открыта трижды: стоиками, Абеяром и Фреге с другими логиками XX в.

Логика перипатетиков, которую продолжил Боэций, является иной, оригинальной системой, придерживающейся традиций аристотелевского подхода к проблеме отношения логического следования.

Л. Г. Тоноян

ВВЕДЕНИЕ

Трактат Боэция «О гипотетическом силлогизме» — наиболее обширное исследование условных суждений [conditional] и их логики, которое сохранилось с античных времен. Будучи непрозрачным и утомительным сочинением, оно ставило в тупик комментаторов, начиная с Пьера Абеяра и заканчивая Джонатаном Барнсом. Сложности, с которыми они столкнулись, извлекая принципы логики Боэция, представляются мне большей частью вытекающими из допущения о том, что Боэций предлагает исследование, в котором применяются пропозициональные операторы к пропозициональному содержанию [propositional content]. Идеи пропозиционального содержания и пропозициональных операций, хотя, в общем, и не формулируются современными историками явно, тем не менее подразумеваются затем символическим аппаратом, который они используют, дабы представить открытия древних и средневековых логиков. Я попробую показать, что исследование теории языка Боэция заставит нас отбросить допущение, что его логика — пропозициональная, и когда мы принимаем это допущение, его замечания о составных пропозициях [compound propositions] оказываются менее загадочными, чем казались².

Позвольте мне начать с нескольких слов о самом Боэции, его значимости для последующего развития логики, и о трактовке его работ современными комментаторами. Активная деятельность Боэция приходится на самый конец классической античности. Родившись в 480 г., он был казнен по обвинению в государственной измене в 524 г. К моменту смерти он едва только начал свой выдающийся проект обучения латинского мира мудрости греков. Для этого он намеревался перевести и прокомментировать все труды Платона и Аристотеля. Не вполне ясно, как далеко он зашел, но его переводы «Введения» Порфирия, «Категорий» и «Об истолкова-

² *Anicii Manlii Severini Boetii. De Hypotheticis Syllogismis* / ed. Luca Obertello. Brescia, 1969 (DHS); *Anicii Manlii Severini Boetii. Commentarii in Librum Περὶ Ἑρμηνείας*. Vol. 2 / ed. Carl Meiser. Leipzig, 1880 (2IDI) — большой комментарий Боэция на трактат «Об истолковании». Более ранние издания обоих трактатов опубликованы: *Patrologia Latina*. Vol. 64. J.-P. Migne. Paris, 1860; *Topica Ciceronis Commentaria (ITC)*; *De Topicis Differentiis (TD)*. Современную и очень полную библиографию трудов Боэция, а также информацию о нем можно найти: *Chadwick H. Boethius: The Consolations of Music, Logic, Theology and Philosophy*. Oxford, 1981.

нии» с комментариями на них и два коротких пересказа части «Первой Аналитики», были утеряны. Его переводы остальных трудов, входящих в Органон³, похоже, были восстановлены в середине XII в.

А. Прайор⁴ показал, что Боэций, как это может показаться с первого раза, предоставляет усовершенствование теории категорического силлогизма, позволяющее учитывать отрицательные термины. Это в действительности всего лишь наиболее банальное расширение, которое тем не менее почти что не учитывает работ Аристотеля. Краткие изложения Боэция элементарны и охватывают только трактовку ассерторического силлогизма из первых семи глав первой книги «Первой Аналитики»⁵. После того как были найдены оригиналы, его пересказы потеряли ценность. Но не так было с его комментариями на «Введение» Порфирия, «Категории» и «Об истолковании». Последние, в частности, в значительно большей степени, чем работы самого Аристотеля, сформировали средневековую мысль о философской семантике. Боэций также дал Средним векам то, что они не могли получить из греческих источников — обширное исследование логики условных суждений и трактовку и защиту несиллогистических умозаключений. Одно из величайших достижений логики начала XII в. — это объединение Абельяром двух этих даров Боэция в единую теорию вывода.

Современный этап в исследовании наследия Боэция начинается в 1951 г. с публикации монографии Карла Дюрра «Пропозициональная логика Боэция»⁶. Хотя эта монография стала общепринятым образцом даже для самых пытливых и критичных из современных историков, труд Дюрра перестал быть актуальным в качестве руководства по логике Боэция. Несмотря на то, что Боэций, можно сказать, предложил логику для составных пропозиций, эта логика никоим образом не является пропозициональной логикой того рода, для которого намеревался написать историю Я. Лукасевич⁷. Метод Дюрра чрезвычайно непродуман. Он записывает схему гипотетических силлогизмов Боэция в виде условного суждения, истолкованного сначала как материальная, а затем как строгая импликация. Проверка того, чего стоит Боэций как логик, заключается в том, является ли результат перевода теоремой *Principia Mathematica* или *S5* Льюиса.

Исходя из представления Дюрра, кажется, что Боэций придерживается поразительного тезиса об условных суждениях. Переведенный на язык пропозиционального исчисления, он вынужден утверждать, например, и то, что из $P \supset (Q \supset R)$ и $Q \supset \neg R$ следует $\neg P$, и то, что из $(P \supset \neg Q) \supset R$ и $\neg R$ следует $P \supset Q$. Таким образом, он вовлечен

³ Кроме «Второй Аналитики», от которой к XX в., по-видимому, сохранились только фрагменты, см.: *Ebbesen Sten. Manlius Boethius on Aristotle's Analytica Posteriora // Cahiers de l'Institut du Moyen Age Grec et Latin. Copenhagen, 8 (1973). P. 3–32; Gibson M. Latin Commentaries on Logic Before 1200 // Bulletin de Philosophie Medievale. 24 (1982). P. 54–64.*

⁴ *Prior A. The Logic of Negative Terms in Boethius // Franciscan Studies. 13 (1953). P. 1–6.*

⁵ Изложение части греческих комментариев на «Первую Аналитику» см.: *Rescher N. Al Farabi's Short Commentary on Aristotle's Prior Analytics. Pittsburgh, 1963. P. 23–27.* Особенно отмечу цитату об истории логики из Аль-Фараби на с. 18, где он ссылается на ранние периоды, когда «Первая Аналитика» после I.7 называлась «частью, которая не прочтена».

⁶ *Dürr K. The Propositional Logic of Boethius. Amsterdam, 1951.*

⁷ *Lukasiewicz J. Zur Geschichte der Aussagenlogik // Erkenntnis. 5 (1933). S. 111–131.*

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

в противоречие $P \supset Q$ и $P \supset \neg Q$. Роберт Сталнакер⁸ недавно выступил в защиту закона условно исключенного третьего [the principle of Conditional Excluded Middle — $(P \supset Q) \vee (P \supset \neg Q)$] для логики условных суждений, но Боэций был бы, как я думаю, одинок среди древних и средневековых философов, если бы искренне предполагал здесь истинную условную связь⁹. Я попытаюсь показать, что он в действительности не только не предполагал этого, но и не мог принять закон условно исключенного третьего. Проблема не в том, что, как говорил Джонатан Барнс¹⁰, является ли логика Боэция *классическим* пропозициональным исчислением, а в том, что она вообще не является пропозициональной.

В начале 1960-х годов Сторрс Мак-Колл¹¹ обратил внимание на исследование гипотетического силлогизма Боэция, чтобы стимулировать развитие неклассической пропозициональной логики. Мак-Колл называет свою формальную систему *логикой родства* [connexive logic] и прибегает к высказанному стоиком Хрисиппом необходимому условию истинности условного суждения, согласно которому между антецедентом и консеквентом должно быть какое-то *родство*. Такое родство существует, как предполагает Мак-Колл, если и только если антецедент несовместим с высказыванием, противоречащим консеквенту, но совместим с самим консеквентом. Характерная особенность «родственных» логик в том, что они включают в себя пропозициональные положения [proposition theses], которые, по мнению Мак-Колла, могут быть найдены у Аристотеля и Боэция. Я возражу, однако, что то, что он называет «тезисом Боэция»: $(P \supset Q) \supset \neg (P \supset \neg Q)$ — опять же не является чем-то, что Боэций мог бы или стал бы утверждать. Ниже я покажу, что законы логики родства рассматриваются Пьером Абеляром как сомнительные, и что кризис в истории логики вызван, согласно доказательству Альберика Парижского, тем, что они несовместимы с симплификацией¹².

⁸ См., напр., введение и различные эссе, появляющиеся в: W. L. Harper R. Stalnaker & G. Pearce (eds.), *Ifs*, Reidel, Dordrecht, 1981.

⁹ $(P \supset Q) \vee (P \supset \neg Q)$ выполняется, если « \supset » — это материальная импликация, а дизъюнкция — истинностно-функциональная и соединительная. Поздние средневековые логики использовали материальную дизъюнкцию и материальную импликацию в так называемых *ut nunc* следствиях, но мне неизвестно, что бы эта тема где-либо излагалась или обсуждалась. Средневековые логики очень редко проводили различие между индикативными и контрфактуальными условными суждениями.

¹⁰ Barnes J. *Boethius and the Study of Logic* // *Boethius: His Life, Thought and Influence* / ed. by M. Gibson. Oxford, 1981. P. 73–89.

¹¹ McCall S. *Connexive Implication* // *The Journal of Symbolic Logic*. 31 (1966). P. 415–433. Для критического исследования логики родства см.: Routly R., Montgomery H. *On systems Containing Aristotle's Thesis* // *Journal of Symbolic Logic*. 33 (1968). P. 82–96.

¹² Положения, характеризующие условную симплификацию: $\vdash (P \& Q) \supset P$ и $\vdash P \& Q \supset Q$, правила вывода для симплификации: $\vdash (P \& Q) / \vdash P$, $\vdash (P \& Q) / \vdash Q$. Следуя Эверетту Нелсону, Мак-Колл включает в свою логику родства последние, но не первые правила и не включает теорему дедукции (см.: Nelson E. J. *Intensional Relations* // *Mind*. 39 (1930). P. 440–453). Версия родственности отбрасывает как положения, так и правила вывода XII в. (см.: Martin Ch. J. *Embarrassing Arguments and Surprising Conclusions in the Development of Theories of the Conditional in the Twelfth Century* // *Gilbert de Poitiers et ses Contemporains* / eds. by J. Jolivet, A. De Libera. Naples,

Совсем недавно Элеонор Стамп¹³ попыталась показать, что Боэция следует трактовать как корректного и исторически точного комментатора стоической логики. Это довольно смелое предположение, так как сам Боэций заявлял, что не знаком с трудами стоиков по составным пропозициям, в его работах нет почти никаких следов подобного знания и единственная сделанная им заметка о стоической теории отрицания, похоже, полностью ее искажает. Тем не менее Стамп обращается к Боэцию для исследования «третьего недоказуемого» стоиков. Цицерон в своей «Топике» приводит эти аксиомы в отрывке, который Боэций обсуждает на многих страницах в своем комментарии к этой работе. Если формулировку схемы доказательства Боэция представить опять же в пропозициональном виде, то получается, что он настаивает на том, что $\neg(P \wedge \neg Q)$ эквивалентно $\neg(P \supset \neg Q)$, а это эквивалентно $P \supset Q$ — еще раз закон условно исключенного третьего. Я попытаюсь показать, что интерпретировать его замечания в таком ключе неприемлемо и что, к сожалению, мы не можем взять Боэция как проводника в исследовании логики стоиков.

Даже если мы не можем сослаться на Боэция по поводу сведений о стоиках, он, однако, определенно заслуживает изучения за то, что говорит нам о логике поздних перипатетиков и неоплатоников. Понимание ценности его сочинений, я думаю, приобретает большую значимость, если мы не будем ложно представлять великие достижения логики XX в. как не более чем предвосхищение нескольких теорем Principia Mathematica или S5.

БОЭЦИЙ ОБ УСЛОВНЫХ СУЖДЕНИЯХ

Теория смысла суждений [a theory of sentential meaning] должна выполнять две основные задачи. Она должна соединять различные назначения, которые могут иметь высказывания, и выводить значения высказываний из значений ее частей. Если говорить о современном периоде, то открытие различия между пропозициональным содержанием высказывания и его значением принадлежит Фреге. Применяя различие, проведенное Фреге, мы можем объяснить и разницу между речевыми актами, имеющими одинаковое пропозициональное содержание, и роль пропозициональных связок [sentential connectives] в построении сложных пропозиций из более простых пропозициональных содержаний. Отрицание, например, это функция, сопоставляющая любому данному пропозициональному содержанию другое, истинное, если отрицаемое ложно, и ложное, если отрицаемое истинно. Пьер Абеляр знал эту функцию под именем «деструктивное» или «экстинктивное» отрицание.

Питер Гич¹⁴ предложил называть проведение различия между значением и содержанием [force and content] фрегеанским делением. Это хорошее название, но мы должны отметить, что такое деление уже было известно латинским логикам XII в.,

1987. P. 377–401).

¹³ *Stump E.* Boethius's in Ciceronis Topica and Stoic Logic // *Studies in Medieval Philosophy* / ed. by John F. Wippel. Washington (D.C.), 1987. P. 1–22.

¹⁴ *Geach P.* Assertion // *Philosophical Review*. 74 (1965). Детально проработанное деление см.: *Dummet M.* Frege: Philosophy of Language. 2nd ed. Cambridge, 1981. Ch. 10. Assertion.

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

как и, несомненно, стоикам¹⁵. Под *пропозициональной логикой* я буду понимать любое исчисление сложных пропозиций и основанные на нем умозаключения, которые, согласно фрегеанскому делению, интерпретируют хотя бы некоторые пропозициональные связки как пропозициональные содержания, задающие операции на пропозициональных содержаниях. Операции должны определяться не истинностно-функционально, как у Фреге или Тарского, — но должны брать пропозициональные содержания в качестве аргументов и выдавать пропозициональные содержания в качестве значений. Пропозициональная логика характеризуется принципом подстановки: если $F(p)$ истинно, то истинно $F(q)$ для любого пропозиционального содержания q ¹⁶. Я утверждаю, что у Боэция не было пропозициональной логики и, следовательно, не было принципа подстановки. Идеи пропозициональной формы, пропозициональной подстановки и пропозициональных связей неразрывны. У Боэция не было ни одной из них.

Боэций мало говорит об отношениях между различными типами речевых актов¹⁷, но благодаря достижениям Аристотеля в теории познания для него не составляло труда соотнести смысл простых высказываний, по крайней мере, одного типа со смыслом слов, из которых оно состоит.

Согласно Аристотелю, пропозиция, как и любой другой осмысленный оборот речи, — это признак способности души, называемой по-латински *intellectus*, т. е. понимание. Существительные и глаголы случайным, но общепринятым образом ассоциируются со способностью интеллекта воспринимать понятия форм, благодаря которым вещи имеют те самые характерные особенности, которым эти слова и присваивают имя. Пропозиции отличаются от высказываний других типов тем, что могут быть истинными либо ложными, при этом истинность и ложность возникает в результате соединения или отделения понятий. Боэций утверждает, что соединения, которые имеют место в уме и снаружи его, принадлежат одному и тому же типу. Услышав, например, «человек бежит», мы конструируем в наших умах составное понятие субстанции, наделенной случайным свойством. Поэтому:

Когда я просто представляю человека, саму субстанцию, в моем знании нет ничего истинного либо ложного. И если я в моем мышлении рассматриваю процесс бега, то это именно мышление, потому что оно влечет рассмотрение простой вещи,

¹⁵ О стоиках см.: *Nuchelmanns G. Theories of the Proposition. North Holland, 1973. Гл. 4–5. Для сравнения см.: Kneale W., Kneale M. The Development of Logic. Oxford, 1962. Ch. III.4. Арабы, возможно, знали о фрегеанском делении. Их труды по логике едва ли были изучены, но ясно, что они имели изощренную теорию гипотетических силлогизмов (см.: *Shehabi N. The Propositional Logic of Avicenna: A translation from al-Shifā: al-Qiyas. Dordrecht, Holland, 1975*). После этой статьи было написано: *Maroth M. Ibn Sina und die Peripatetische "Aussagenlogik". Leiden, 1989.**

¹⁶ Это не принцип универсальной подстановочности. Он [принцип подстановки] включает в себя особенности правильного построения, тогда как универсальная подстановочность — это, возможно, особенность теоремности [theoremhood] (см.: *Sigerberg K. Classical Propositional Operators. Oxford, 1982. Разд. 1.5 о подстановке и разд. 2.2 о подстановочности*).

¹⁷ Об очень ограниченной работе по речевым актам, проделанной перипатетиками, и ее отношении к теориям стоиков см.: *Schenkeveld D. M. Stoic and Peripatetic Kinds of Speech Act and the Distinction of Grammatical Moods // Mnemosyne. XXXVIII (1984). P. 291–353.*

которая не является ни истинной, ни ложной. Но когда я соединяю процесс бега и человека и создаю из них что-то в моем интеллекте (что я произнес бы как что-то вроде «человек бежит»), то из соединения этих субстанции и акциденции получается понятие того типа, которому присущи истинность и ложность <2IDI, 1, 42>.

Таким образом, Боэций предполагает, что понятие, получающее значение в результате простого утверждения, получает его в силу того, что вещи составлены определенным образом, но не в силу того, что эти вещи такие-то и такие-то. В своих комментариях на «Метафизику» Кристофер Кирван¹⁸ замечает, что слова Аристотеля предполагают именно такую концепцию пропозиционального значения [propositional meaning], но он отказывается от нее как от смешения понятий и убеждений. Однако, чтобы провести различие, которое хочет провести Кирван, убеждения и суждения должны интерпретироваться как пропозициональные положения [attitudes]. Составление этих пропозиций должно быть представлено как выражение пропозиционального содержания и способы выражения должны быть подходящими для выражения этого содержания. Точно такой же механизм требуется, если факты и положения дел противопоставляются вещам. Соединение в философской семантике Аристотеля почти исключительного сосредоточения на одноместных предикатах с утверждением того, что истинность и ложность возникают в результате соединения и разделения, обеспечивает бесперспективность этого пути развития.

Это не значит, между прочим, что все в аристотелевской теории значения принципиально противопоставляется понятию факта, напротив, она довольно часто, хотя и превратно, толкуется в таких терминах. Кеннет Олсон в своем недавнем «Эссе о фактах»¹⁹ странным образом предполагает, что факты могли и не иметь места в мире Аристотеля, так как они не могут быть причислены ни к одной из десяти категорий. Если они и могут быть где-либо каталогизированы, то определенно не здесь! «Категории» имеют дело только с вещами, «сказываемыми» вне соединений. Факты и положения дел появляются вместе или непосредственно после появления пропозиционального содержания, для того чтобы объяснить их истинностные значения и логические отношения. Факты не встречаются в теории значения Боэция, но найти их вместе с пропозициональной логикой впервые в Средних веках можно, я думаю, в сочинениях Пьера Абеляра.

У Боэция мало сказано об отрицании, но из того, что он говорит, совершенно ясно, что Боэций не думал об отрицании как об операции, формирующей пропозициональное содержание. «Negatio» — это название и отрицательной частицы, и одного из двух видов простых, или предикативных суждений [assertions]. Во втором случае мы с тем же успехом можем перевести это слово как «отрицание» [denial]. Простое утверждение [affirmation] — это суждение о чем-то, сказанном о чем-то [alicuius de aliquo], простое отрицание — это суждение о чем-то как отделенном от чего-то [alicuius ab aliquo]. Сложные суждения говорят о чем-либо не в том же смысле, и поэтому они не являются ни утверждениями, ни отрицаниями. Далее мы, однако, увидим, что Боэций присваивал им качество.

¹⁸ Kirwan Ch. Aristotle's Metaphysics. Книги Гамма, Дельта, Ипсилон. Oxford, 1971. P. 198–200.

¹⁹ Olson K. An Essay on Facts. Stanford (California), 1987.

Следуя трактату Аристотеля «Об истолковании», 1, Боэций утверждает, что отрицание обозначает умственный акт отделения понятия, выраженного предикатом, от понятия, выраженного субъектом. Абельяр называет эту операцию *отделительным* [separative] отрицанием. Боэций интерпретирует аристотелевское описание глагола как «всегда обозначающего что-то, сказанное о чем-то» в том смысле, что глагол всегда указывает на суждение. Чтобы изменить тип высказанного суждения, нужно воздействовать именно на глагол и потому именно к глаголу должна быть присоединена отрицательная частица.

Сопоставление отрицания с глаголом в «основном соединении» субъекта и предиката — это известный пункт, которому Гич и Стросон придавали особое значение в своих дискуссиях о категорических пропозициях. Стросон, например, перешел от отрицания как от «естественной» операции на пропозициях к суждению, образованному дополняющим предикатом от того же субъекта²⁰. Исходя из этого сопоставления отрицания с предикатом, он выводит, что показатель пропозициональности находится в глаголе. Боэций объясняет это в точности наоборот: в простом суждении дело встает за глаголом, и потому, чтобы задать различные типы суждений, нужно воздействовать именно на глагол²¹.

Аристотель вводит отрицательные термины как «неопределенные» имена и глаголы, которые могут быть предикатами для всего, существующего либо не существующего, которыми соответствующие позитивные термы не предикуются. Несмотря на то, что скобки еще не были изобретены, имея в распоряжении такие термы, Боэций мог бы задействовать против стоиков очень простое рассуждение. Он говорит, что, если мы их принимаем и ставим отрицание, чтобы получить, скажем, *non homo ambulans*²², мы не сможем сказать, является ли эта пропозиция утверждением с неопределенным субъектом либо отрицанием с определенным²³. При условии что обозначение области действия отрицания может быть сложным, он, таким образом, искажает учение стоиков, предполагая хотя бы то, что они соглашались с перипатетиками по поводу семантики отрицания, но расходились по поводу синтаксиса. Он, однако, не одинок: точно такое же рассуждение есть у Аммония²⁴.

Пока что ничего не сказано о том, что определяет логическую связь между утверждением и отрицанием. Они сопоставляются с вполне определенными умственными операциями и, чтобы показать, как связаны истинностные значения означенных понятий, нужно составить умозаключение. Шестая глава «Об истолковании», таким образом, становится для Боэция кульминацией произведения, так как он считает, что в ней содержится доказательство того, что единичное утверждение и соответствующее отрицание распределяют [divide] между собой истину и ложь. Утверждение истинно, только если истинно умственное соединение соответствующих понятий, которое, в свою очередь, истинно, только если в мире имеет место соответ-

²⁰ См., напр.: *Strawson P. Subject and Predicate in Logic and Grammar*. London, 1974.

²¹ Н-р *2IDI*, 5, p. 105.

²² *Non homo ambulans* (лат.) — не человек прогуливается (примеч. науч. ред.).

²³ *2IDI*, 10, p. 261–262.

²⁴ *Ammonius*. In *Aristotelis De Interpretatione Commentarium // Commentaria in Aristotelem Graeca*. Vol. IV. Pars V. Berlin, 1897. P. 87, ad de Int. 7, 17a38–b12.

ствующее соединение субстанции и акциденции. Отрицание истинно только в том случае, когда истинно умственное разъединение понятий, а оно таково, только если субъект и предикат действительно разъединены. Не удивительно, что у Боэция возникает некоторая неопределенность по поводу последнего. Важно, однако, то, что это доказательство из шестой главы применяется только к простым суждениям, и нет никаких соображений о том, что оно может быть расширено до составных.

Теория утверждения и отрицания Боэция принадлежит как раз тому виду теорий, которые Фреге так безжалостно критиковал в своем эссе «Отрицание»²⁵. Без соответствующего различения между значением и содержанием Боэций не мог вывести значение сложных пропозиций из значений простых. В простой пропозиции безусловный глагол обозначает соединение, его отрицание обозначает разъединение. Невозможно составить какое-либо условное суждение, не обращая одно составное суждение в два простых. Не имея в распоряжении пропозициональных операций и метода подстановки, Боэций был вынужден перебирать по одному все виды различных составных пропозиций и все комбинации качеств их компонентов²⁶. Хотя он определенно не мог знать об этих ограничениях, его толкование составных пропозиций в некоторой степени им соответствует. Отсюда замечание Нилов о «поразительной нудности» этой выкладки. Перечисляя составные пропозиции, Боэций перебирает все возможные видоизменения их составных частей.

Мое представление теории Боэция об утверждении и отрицании подтверждается его замечаниями о соединительной [copulative] связке «и». Она не производит одну пропозицию из двух, утверждает Боэций, она скорее является просто вставным элементом, заполняющим пустое место. Как обычно, и Аммоний приводит забавную аналогию: соединительный союз образует только акцидентальное, или синтаксическое, единство «так же, как сверток, о котором говорится, что он один, в силу того что в него завернуты многие предметы»²⁷. Это наблюдение должно бы приводить в затруднение историков логики, так как категорический силлогизм иногда представляется у Аристотеля, и всегда — у Боэция, в виде условного суждения с соединительным антецедентом. Из того, что я сказал, видно, что некритичный перевод на язык пропозиционального исчисления неприемлем. Боэций ничего не говорит об условных суждениях с соединительным антецедентом, и потому мы должны полагать, что он не представлял их как логически осмысленные составные пропозиции.

Представляя теорию гипотетических силлогизмов, Боэций вводит 4 вида простых условных суждений, 32 вида составных условных суждений и 24 вида условных суждений, которые он называет промежуточными [mediate]. Он указывает «это

²⁵ См. русск. пер. в кн.: *Фреге Г.* Логика и логическая семантика. М., 2000. С. 343–355.

²⁶ Точно такая же проблема возникает, например, в теории утверждения и отрицания, предложенной Расселом в «On Propositions: What they are and how they mean». Принимая отрицание скорее за часть значения, а не содержания пропозиции, он препятствует истинностно-функциональной трактовке пропозициональных связок, которую он обычно привлекает повсеместно. Работа Рассела переиздана: *Russel B. Logic and Knowledge / ed. by R. C. Marsh. London, 1956. P. 285–320.* См. русский перевод в кн.: *Рассел Б.* О пропозициях: что они собой представляют и каким образом обозначают. Философия логического атомизма. Томск, 1999. С. 109–146.

²⁷ *Ammonius.* In *Aristotelis De Interpretatione Commentarium.* P. 73, ad de Int. 5, 17a15–17.

есть X » и «это не есть X » как простые пропозиции. «Если A , то B » — это простое условное суждение, если и A , и B — это простые пропозиции в указанном смысле, и сложное, если одна или обе части — простые условные суждения. Промежуточные условные суждения состоят из пар простых условных суждений, и смысл их в транзитивности простой условной связи между предикатами²⁸.

Боэций придерживается того, что утверждение ‘homo est’²⁹ соединяет человека и существование, и оно истинно только в том случае, когда человек является одной из существующих вещей³⁰. Если бы мы могли интерпретировать ‘si est homo, est animal’³¹ как пропозицию, это высказывание соединяло бы существование человека с существованием животного. То, что Боэций не имел в виду такое прочтение, ясно из того, каким образом Боэций говорит о следствии в качестве сохраняющего отношение к индивиду, как, например: «Тулий, если он человек, то он — животное», и из примера истинного условного суждения, такого как «если это — человек, то это не лошадь». Более того, описывая простые условные суждения, Боэций многократно говорит о *термине* B , следующем из термина A , или о существовании термина B , следующего из A . Он имеет отчетливое понимание следствия как соединения A и B в качестве предикатов или, как мы могли бы это назвать, свойствах быть (каким-то) A и быть (каким-то) B . Единственное исключение из его теории условных суждений — это, по всей видимости, единичный пример, данный в трактате «О гипотетическом силлогизме», в котором антецедент и консеквент — это, пожалуй, события: «если Земля будет расположена между Луной и Солнцем, то последует лунное затмение» <*DHS*, I, iii, 7>. Также Боэций часто в качестве примеров условных суждений приводит цитаты из инвентаря стоиков, такие как «если день, то светло» и «если день, то не ночь». Он, похоже, полагал, что такие метеорологические факты должны толковаться точно таким же образом, как условные суждения, такие как «если это — человек, то это — животное».

Боэций говорит об истинности условных суждений всего пару раз и никогда не говорит о ложных условных суждениях. Так как они — пропозиции, условные суждения все-таки должны иметь какое-либо истинностное значение. Отсутствие указаний на них, возможно, просто отражение того обычая, согласно которому древние логики в качестве примеров приводили только истинные пропозиции и правильные умозаключения. Необходимое условие истинности простого условного суждения «если A , то B » или, как говорит Боэций, для существования неизменного следствия — это то, что существование B неотделимо от существования A :

Гипотетическим суждениям противопоставляется только то, что уничтожает их субстанцию. Субстанция гипотетической пропозиции заключается в том,

²⁸ Из того, что я сказал о пропозициональности, следует, что теория промежуточных условных суждений не может быть теорией всего гипотетического силлогизма: $\vdash P \supset Q, \vdash Q \supset R / \vdash P \supset R$. Так Джонатан Барнс интерпретирует их в кн.: *Barnes J. Terms and Sentences: Theophrastus on Hypothetical Syllogisms*. London, 1984.

²⁹ Homo est (лат.) — человек существует (примеч. науч. ред.).

³⁰ Н-р *2IDI*, 3, р. 77.

³¹ Si est homo, est animal (лат.) — если существует человек, существует животное (примеч. науч. ред.).

что необходимость их следования достаточно сильна, чтобы получить консеквент. Следовательно, если кто-то стал бы должным образом оспаривать условное суждение, ему следует осуществить это таким образом, чтобы следование было уничтожено. Точно так же, как когда мы говорим «если *A*, то *B*», мы оспариваем это ни демонстрацией того, что *A* не существует, ни того, что *B* не существует, но скорее демонстрацией того, что, если утверждается *A*, то из этого не следует, что есть *B*, а что *A* может существовать даже несмотря на то, что *B* — нет³².

Боэций, похоже, считал неотделимость как необходимым, так и достаточным условием для истинности условного суждения. Однако различные разбросанные замечания, в которых он отмечает, что антецедент и консеквент следования соединяются в единичное понятие, наводят на мысль, что он думал, что некоторый вид умозрительной связи сопоставляется с *естественным следованием*, выраженным в истинном условном суждении. Он различает акцидентальную неотделимость для огня — быть горячим, а для небес — быть сферическими, от неотделимости, имеющей место в естественном следовании, такой как, например, связь между бытием человека и бытием животного. Акцидентальное условное суждение «если огонь горячий, то небеса — сферические» — это, насколько я знаю, единственный пример, приведенный Боэцием, в котором антецедент и консеквент — это законченные истинные изъявительные предложения с разными предикатами и субъектами. Это суждение не может выражать естественное следование, так как свойство огня быть горячим не оправдывает сферичность небес, так же как их сферичность не оправдывает жар огня³³. Просто так получилось, что небеса — сферические, и огонь — горячий в одно и то же время.

Различие между акцидентальными условными суждениями и естественным следованием, конечно же, напоминает различие между акцидентальными признаками и признаками *per se*³⁴, которое играет ключевую и многоплановую роль в философии Аристотеля. Дополнительное условие неотделимости — наличие умозрительной связи — наводит на мысль о различии между тем, что мы могли бы назвать строгой и умозрительной неотделимостью, сделанном Порфирием в своем «Введении». Неотделимые акциденции или свойства строго неотделимы от своих субъектов в том случае, когда, несмотря на то, что они не могут быть физически устранены, их субъекты могут рассматриваться отдельно от них. Виды, роды, отличительные признаки и, таким образом, определения являются вдобавок умозрительно неотделимыми тогда, когда их субъекты не могут даже быть представлены отдельно от них. Это то самое противопоставление, которое сформирует основу Абеярова различия между теорией вывода и теорией условных суждений.

Важно обратить внимание на то, что условия истинности условных суждений должны быть сформулированы в общем виде. «Если дурак, то он разумен» — это ложь и, следовательно, ложь и применительно к Цицерону. Если неотделимость интерпретируется как отношение между истинностными значениями пропозиций и истинными условными суждениями как строгими импликациями, то, так как Цице-

³² *DHS*, I, ix, 5–7.

³³ *DHS*, I, iii, 6.

³⁴ *Per se* (лат.) — само по себе, самостоятельно (примеч. науч. ред.).

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

рон не может быть дураком, условное суждение «если Цицерон — дурак, то он разумен» будет истинным. Боэций не оставляет никакой возможности для вырожденной истины и рассуждений Льюиса [Lewis' arguments]. Оба они впервые появляются в латинской логике одновременно в XII в.³⁵

Таким образом, я обосновал то, что Боэций не мог трактовать грамматические союзы как пропозициональные содержания, образующие оператор на пропозициональных содержаниях. Сейчас я перехожу к различным утверждениям, которые были высказаны о его так называемой пропозициональной логике.

КОММЕНТАТОРЫ

Начнем с того, что существует отрывок, в котором Боэций, похоже, применяет угасательное [extinctive] отрицание и в котором он характеризует себя как предлагающего отрицание для составных пропозиций. Этот отрывок — из «Комментариев на “Топику” Цицерона», из обсуждения того, что он называет *locus conditionalis*³⁶.

Монография Боэция о теории диалектических топос неоспорима. Она покажет нам, как легко находить законные ответы на диалектические вопросы. А именно на вопрос вида «*A* — это *B* или нет?». Нам нужно то, что Цицерон называет *argumentum*: «разум, поддающийся убеждению в отношении чего-либо, подвергается сомнению»³⁷. Чтобы найти одно такое *argumentum*, мы должны рассмотреть конкретные особенности *A* и *B*. Из свойств их определений, общих частей и вещей, с которыми они состоят в конкретных отношениях, мы, возможно, сможем вывести, что существует *A* или не существует *B*³⁸. В качестве последнего прибежища мы можем обратиться к чему-либо, что не имеет сущностной связи с *A* или *B*, но все же может дать возможное описание их отношения. Например, там, где вопрос заходит о звездах, мы можем сослаться на авторитет астрономов.

Разновидности вещей, которые мы должны рассмотреть, пытаясь ответить на этот вопрос, составляют топические различия. Это логические места, к которым мы

³⁵ См.: *Martin Ch. J. William's Machine // Journal of Philosophy. Vol. 83. 1986. P. 564–572.* — Авиценна обсуждает влияние невозможных antecedentov на следствие, но его теория условных суждений также не будет допускать вырожденной истины. См.: *Shehaby N. The Propositional Logic of Avicenna... P. 70–72.*

³⁶ Условное место (лат.), *locus* — перевод греч. *τοπος* — топ (примеч. науч. ред.). *In Topica Ciceronis Commentaria* II, 1075C-1078B — V, 1145B. *In Topica Ciceronis Commentaria* и *De Topicis Differentiis* напечатаны: *Migne J.-P. Patrologia Latina. Vol. 64. Paris, 1860.*

³⁷ *In Topica Ciceronis Commentaria*, II, 1048A–1054B. Хотя Боэций также допускает условные диалектические вопросы вида «*B* ли это, если это *A*?» в *De Topicis Differentiis*, в этом обсуждении топики он показывает только, как они применяются для ответа на предикативные вопросы.

³⁸ *Probabilis* и *verisimilis* — это предложенные Боэцием переводы *εὐδοξος*. Правдоподобный, или признанный, *argumentum* — это тот, «который каждому кажется таковым, или большинству, или мудрому, и из них либо всем, либо большинству, либо наиболее известным и выдающимся из них, либо тем, кто кажется таковым человеку, искусному в своей области, как доктору в медицине или кормчему в управлении кораблем, или, наконец, тот, который кажется таковым тому, с кем ты говоришь, или тому, кто судит» (TD 1181C-D).

обращаемся в поиске *argumenta*. То, что мы там находим, — это общие принципы, называемые максимальными пропозициями, они соединяют топические различия с вещами, о которых задаются вопросы. Таким образом, они могут гарантировать выводы из посылок к заключению. Для Аристотеля нет нужды в такого рода гарантии, так как диалектический силлогизм — это силлогизм в каноничном смысле первой Аналитики, а диалектическим он является в силу того, что его посылки имеют вероятностный характер. Боэций, с одной стороны, утверждает, что диалектика имеет дело с вероятностными *argumenta* и наиболее правдоподобно ее прочтение через локализованную вероятность в соединении между посылками и заключением.

Чтобы ответить на наши диалектические вопросы, мы можем, например, привести определения *A* и *B* и максимальную пропозицию: вещи с различными определениями различны (TD II, 1185C). В качестве альтернативы мы могли бы обратить внимание на действующую причину *A*, отметив, что она имеет свойство быть *B*, и сослаться на максимальную пропозицию о том, что, где бы то ни было, если действующая причина — это *B*, то таково же ее следствие (TD II, 1189C). Хотя Боэций не мог так сделать, мы можем воспроизвести использование топического различия и максимальной пропозиции в рассуждении следующим образом³⁹:

Какие бы две вещи ни состояли в топическом отношении *T*, если одна из них состоит в отношении *P* к третьей вещи *D*, то другая состоит в отношении *Q* к четвертой вещи *B* — максимальная пропозиция.

A и *C* состоят в топическом отношении *T* — большая посылка.

C имеет отношение *P* к *D* — меньшая посылка.

Следовательно, *A* находится в отношении *Q* к *B*.

Здесь и *A*, и *B* могут быть как субъектными, так и предикатными терминами диалектического вопроса. «Вещи» могут представлять собой совокупности, такие как части, составляющие целое, или все виды какого-то рода. Таким образом, топическая теория охватывает некоторые правильные формы умозаключений, заведомо отвергнутые Аристотелем. Она, однако, ограничена списком топических отношений, и Боэций доказывает, что этот список полон. Например, нет логического топоса, в котором мы могли бы искать подтверждение для умозаключения об отношении таком, как «*C* больше *B*, *B* больше *A*; следовательно, *C* больше *A*». Топическая теория также соперничает с теорией силлогизмов в том смысле, что рассуждения наподобие топоса «из определения», указанного выше, выражены в умозаключениях, которые могут быть истолкованы как категорические силлогизмы.

Боэций относится к связи между посылками силлогизма и его заключением как к связи между антецедентом и консеквентом истинного условного суждения,

³⁹ Схематично: топическое отношение *T*

$$\left\{ \begin{array}{l} C-P-D \\ \Downarrow \\ A-Q-B \end{array} \right.$$

Вывод, основанный на максимальной пропозиции.

т. е. как к *следованию*. В действительности он иногда без всяких доводов применяет принцип кондиционализации и приводит только максимальную пропозицию и условное суждение, образованное из меньшей посылки и заключения. Максимальная пропозиция, таким образом, предстает как принцип, на который можно сослаться, чтобы подтвердить условное суждение. Это в какой-то степени то, что понимал под ними Абеляр и, так как для него истинное условное суждение выражает «закон природы», максимальные пропозиции становятся первыми принципами науки. Он запасается аксиомными схемами для теории естественных видов. Однако Абеляр вынужден отказать в этом высоком статусе многим из максимальных пропозиций Боэция, так как выводы, которые они гарантируют, хотя и возможны, но не необходимы. Большой труд заключается уже в установлении того, какие максимальные пропозиции выражают истины о природе.

«Locus conditionalis» содержит три темы, которые, по словам Цицерона, являются личной собственностью диалектиков. Переходя к ним, мы обнаруживаем, что *argumenta* могут быть произведены как из антецедентов, так и из консеквентов, и от противного. Согласно этой теории, топическое умозаключение, основанное на первом из этих трех, будет выглядеть примерно так:

Консеквент относится к тому же, к чему относится антецедент — максимальная пропозиция.

A — антецедент *B* — большая посылка, выражающая топическую связь.

A относится к *X*.

Следовательно, *B* относится к *x*.

В примечании Боэция к примеру Цицерона, в котором *locus* выведен из антецедента, все эти элементы, несомненно, присутствуют. Однако в формулировке умозаключения он пренебрегает максимальной пропозицией и приводит большую посылку в качестве простого условного суждения⁴⁰. В результате мы на самом деле получаем вариацию «первого недоказуемого» стоиков, оправданного использованием максимальной пропозиции! Боэций, похоже, не знаком, возможно, с наиболее основополагающим утверждением стоической логики. Воспроизведение *modus ponens* в таком виде, в соединении с привлечением топов в выводе заключения, которое можно получить категорическим силлогизмом, приводит в XII в. к значительному разногласию по поводу условного приоритета одной из двух ветвей логики. Замечание Боэция о том, что топы соответствуют силлогизмам (*TD 1137C*) было понято (и вполне обоснованно) как приведение теории силлогизмов к зависимости от топики.

Доказательство от противного, приведенное Цицероном, — это разновидность «третьего недоказуемого» стоиков, которое в качестве своей большей посылки использует пропозицию вида $\neg(P \wedge \neg Q)$. Боэций в своем объяснении этого доказательства делает две вещи. Во-первых, как мы могли ожидать, он представляет противоречие как отношение между свойствами. Во-вторых, он настаивает на том, что, так как мы имеем дело с *locus conditionalis*, условной связи следует появиться в большей посылке умозаключения. Он, таким образом, заменяет соединительный союз «и»

⁴⁰ Н-р *ITS*, 1076A-C.

Цицерона «причинным» союзом «если» для того, чтобы, как он говорит, показать, какой вид пропозиций был использован. Он продолжает отмечать, что это оправданно, так как «нет ничего равного союзу “если” для выражения связи, хотя соединительный союз “и” может быть использован для достижения того же эффекта» <ITS, V, 1140С>. Изложенные в этом замечании взгляды на условные и соединительные суждения должны быть поняты просто как отождествление условий истинности условного суждения с условиями истинности отрицания конъюнкции. Следование имеет место только в том случае, когда антецедент неотделим от консеквента.

Насколько я знаю, Боэций — единственный классический латинский автор, который обсуждал значение условных суждений, к которым было присоединено отрицание. Будучи конструкцией определенно незаурядной, она не упоминается грамматиками, и мы не можем допустить, что отрицательная частица естественным образом читается как пропозициональный оператор с особой областью действия⁴¹.

Для Боэция две вещи находятся в противоречии [gerugnant], если одна из них противоположна чему-либо, что следует из другой. Так как бодрствовать и спать — это противоположности, и так как верно, что, если вы храпите, то вы спите, бодрствовать и спать противно друг другу. Определение предполагает, что «третье недоказуемое» обеспечивает правило вывода для удаления субдизъюнкции, представленной как отрицание конъюнкции. Оба субдизъюнкта могут быть ложными, но не могут быть одновременно истинными. Имея истинную субдизъюнкцию, только из истинности одного из дизъюнктов можно законно вывести отрицание другого, и, таким образом, «третье недоказуемое» стоит одиночно, тогда как остальные имеют пару⁴².

Боэций вводит *противоречивую пропозицию* как условную пропозицию, в которой антецедент и консеквент — это термины, противоречащие друг другу. В истинном условном суждении отношение между антецедентом и консеквентом такое же, как в природном следовании. В ложной противоречивой пропозиции, а все противоречивые пропозиции, конечно же, необходимо ложны, отношение такое же, как в противоречии. Для антецедента и консеквента невозможно применение к одной и той же вещи в одно и то же время. Так «если он бодрствует, то он храпит» — это такая же противоречивая пропозиция, как «если это — камень, то он — животное». Противоречивые пропозиции всегда могут быть образованы из следования посредством отрицания его консеквента. Из следования «если сейчас день, то сейчас светло» мы получаем противоречие «если сейчас день, то сейчас не светло» и так далее. Боэций описывает отношение между следствием и соответствующим противоречием в тер-

⁴¹ В переводе Боэция «Введения» Порфирия мы находим «neque si animal est, homo est, neque si animal est risibile est» («...если есть животное, еще не значит, что есть человек; и если есть животное, не значит, что есть способное смеяться». — *Боэций. «Утешение Философией»* и другие трактаты. М., 1996. С. 97. — примеч. науч. ред.), использованное, чтобы опровергнуть то, что консеквенты следуют из своих антецедентов. Однако Боэций в своем комментарии не упоминает условные суждения. См.: *In Porphyrium Commentaria*, PL 64, p. 143D sq.

⁴² Заимствована ли эта трактовка противности у стоиков? Для отличной теории «третьего недоказуемого» — как отрицания материального соединения см.: *Frede M. Die Stoische Logik*. Gottingen, 1974. S. 148–153, 160–162.

минах истинного значения их консеквентов в отношении к их антецедентам. Таким образом, «это истина и это следует, что, если сейчас день, то сейчас светло, и ложь и противоречие, если сейчас день и не светло» <eg. *ITC V*, 1134B>.

Противоречие существует между антецедентом и консеквентом противоречивой пропозиции только потому, что исходное условное суждение было истинным. Нет абсолютно никаких указаний на то, что отрицательная частица вводится для того, чтобы произвести пропозицию, которая состоит в особенном логическом отношении с исходной, независимо от того, каким оно могло бы быть. Цель, скорее, в том, чтобы получить пропозицию, которая содержит условную связь и каким-то образом выявляет противоречие. Конечно, согласно теории Боэция, ни одна пара пропозиций вида «если *A*, то *B*» и «если *A*, то не *B*» не может быть истинной. И опять, он не говорит об истинности или ложности, но, тем не менее, берет следствие и соответствующее противоречие за противоположность и, таким образом, выражает их пропозициями одного и того же типа. Оба — условные суждения.

Боэций перечисляет все видоизменения многообразия простых условных суждений, чтобы получить соответствующие противоречащие пропозиции. Например, «если это — человек, то он не животное», «если сейчас не день, то сейчас не ночь» и «если он бодрствует, то он храпит». Так как он убежден, что условные суждения вида «если не *A*, то *B*» содержат только непосредственные противоположности, то есть такие вещи, как день и ночь, которые не могут одновременно ни присутствовать, ни отсутствовать, он также допускает это для следования «если сейчас не день, то сейчас — ночь», которому соответствует противоречие «если сейчас день, то сейчас ночь».

Поскольку они остаются противоречивыми, эти пропозиции бесполезны для умозаключений, так как они обязаны быть ложными. Однако, присоединяя отрицательную частицу к противоречию с утвердительным антецедентом и отрицательным консеквентом, Боэций получает пропозиции, которые, как он утверждает, во всех отношениях соответствуют исходным следованиям:

*Ибо, поскольку понятно, что, если сейчас день, то сейчас светло — это следование и истина, «если сейчас день, то сейчас не светло» — это противоречие и ложь. Но, отрицая его еще раз следующим образом: «не верно, что, если сейчас день, то сейчас не светло» — получаем истину. Таким образом, это во всех отношениях совпадает с утверждением: «если сейчас день, то сейчас светло» — так как двойное отрицание образует утверждение. Схожим образом *argumenta* получают из пропозиций с противоречащими частями, если в них соединены два отрицания, отрицание и утверждение или утверждение и отрицание <*ITC V*, 1134B>.*

Вполне очевидно, я думаю, что Боэций не утверждает, что посредством присоединения отрицательной частицы к условной пропозиции, выражающей противоречие, можно получить пропозицию, истинную за счет лишь того, что исходная ложна. Он говорит, что смысл «не верно, что, если сейчас день, то сейчас не светло» в том, что, если сейчас день, не может быть такого, что сейчас не светло⁴³. То, что снова становится истиной — это уже не то условное суждение, а его следствие, если анте-

⁴³ *ITC*, V, 1134A.

цедент был истинен. Итог «во всех отношениях такой же», что оригинал, потому что двойное отрицание простой пропозиции обращается в ту же простую пропозицию. Боэций, между прочим, совсем ничего не говорит о том, как это может происходить. Как отмечает Фреге, отрицание должно быть похожим на меч, который вторым ударом непостижимым образом соединяет то, что было разрезано первым.

Некоторое подтверждение всего этого исходит из того, как Боэций интерпретирует отрицание второго противоречия, получаемого из следствия непосредственных противоположностей. Начиная с «если сейчас не день, то сейчас ночь», мы получаем противоречие «если сейчас день, то сейчас ночь». Подставляя отрицание мы приходим к «не верно, что, если сейчас день, то сейчас ночь», из которого с помощью «сейчас день» мы можем вывести «сейчас не ночь». По-видимому, Боэций не упоминает умозаключение из «сейчас не день» к «сейчас ночь», потому что его не существует. Отрицание условного суждения полностью совпадает с «если сейчас день, то сейчас не ночь». Присоединение отрицания в общем случае не возвращает исходное следствие из соответствующего противоречия, но скорее служит просто для превращения качества консеквента.

Боэций, таким образом, если можно так выразиться, интерпретирует присоединение отрицательной частицы скорее как отделенное от условного суждения посредством запятой, нежели двоеточием. Его замечание о том, что отрицание применяется к пропозиции в целом — это высказывание не о его области определения, а только о порядке терминов.

Как я сказал в начале, Элеонор Стамп недавно предложила искать в этом трактате мнение Боэция о стоической логике. Она воспроизводит представленную Боэцием версию «третьего недоказуемого» в пропозициональном виде и высказывает предположение, что он мог бы понять «это не тот случай, когда, если p , то не q » как «выражающее отрицание» несовместимости p и не q ⁴⁴. Стамп, должно быть, поняла Боэция так, что он устанавливает, что p и не q несовместимы только в том случае, когда они не могут быть одновременно истинными. Однако, если это так, она, похоже, интерпретирует «это не тот случай, когда, если p , то не q » так, что p и не q могут быть одновременно истинными! Это плохо согласуется с утверждением Боэция, что «не верно, что, если A , то не B » эквивалентно «если A , то B ».

Мне кажется, Боэций обязан быть особенно плохим свидетелем стоической логики и исследование его подхода к их трудам никуда не приведет. Вы не поймете, что такое пропозициональная логика, если у вас нет идей пропозиционального содержания и пропозициональных операторов. У Боэция их не было.

В начале трактата «О гипотетическом силлогизме» Боэций объявляет, что он первый, кто в подробностях пишет о гипотетических силлогизмах. Стоики, говорит он нам, совсем ничего не сделали, и среди перипатетиков только Теофраст и Евдем едва ли к этому приступили. Первая часть его заявления, конечно же, возмутительно ложна, хотя, как мы видели, Боэций вполне мог не знать ничего из инвентаря стоической логики. Вторая часть любопытна, и, определенно, некоторые сомнения

⁴⁴ *Stump E.* Boethius's in Ciceronis Topica and Stoic Logic. P. 16. — Однако Стамп отмечает, что слова Боэция, похоже, указывают на его предположение, что два отрицания уничтожают друг друга.

возникают по поводу оригинальности Боэция в связи со сходством его исследования условных суждений с тем, что проведено Авиценной⁴⁵.

Хотя Боэций не присоединял отрицательную частицу к составным пропозициям в трактате «О гипотетическом силлогизме», он говорит об отрицательных условных суждениях и, похоже, допускает, что «если A , то B » и «если A , то не B » распределяют истину и ложь между собой. Прежде всего, легко опровергнуть суждение, высказанное как Нилами, так и Джонатаном Барнсом о том, что отрицательное условное суждение — это пропозициональное отрицание утвердительного условного суждения. Нилы придерживаются того, что Боэций говорит, что отрицанием «если A , то B » будет «если A , то не B »⁴⁶. Барнс приводит часть отрывка, который я скоро процитирую, и на его основе заключает, что Боэций считает, что отрицание, противоречащее «если P , то Q » — это «если P , то не Q » и что «он, таким образом, в действительности, приравнивает “если P , то не Q ” к “это не тот случай, когда, если P , то Q ”. И это уподобление лежит в основе и определяет форму его гипотетической силлогистики»⁴⁷. Я думаю, что это не так по трем причинам. Во-первых, воспроизведение утверждения Боэция в терминах пропозициональных операторов недопустимо. Во-вторых, Боэций не считает, что результат отрицания условного суждения даже в приемлемом виде — это противоречащее ему отрицание. В-третьих, такое отождествление не лежит в основе его теории гипотетической силлогистики.

Замечания, высказываемые Нилами и Барнсом, находятся в конце обсуждения логических отношений между пропозициями. Если Боэций вообще собирался вводить отрицание составных пропозиций, то он непременно сделал бы это здесь. Но он этого не делает. В качестве более подходящего способа отрицания простых пропозиций он рассматривает формальные модификации и считает, сколько различных видов условных пропозиций получается из определенного количества видов простых пропозиций, которые могли бы стоять на месте антецедента или консеквента. Наконец, он приходит к вопросу, как следует противопоставлять условные пропозиции. Продолжая цитирование, начнем со страницы 287:

⁴⁵ Боэций почти что наверняка не источник для Авиценны. Они сходятся, например, в различении между *per se* и акцидентальными условными суждениями, хотя Авиценна проводит намного более отчетливое различие между строгой и умозрительной неотделимостью (см.: *Shehaby N. The Propositional Logic of Avicenna...* P. 37–38). В отличие от Боэция как Аль-Фараби, так и Авиценна, похоже, имели идею пропозиционального содержания и использовали условные союзы как пропозициональные операторы. Авиценна явно отличает отрицание условного суждения от отрицания его консеквента (*Ibid.* P. 57–58). Он критикует по одному пункту труд о гипотетических силлогизмах, который в некоторой степени похож на трактат «О гипотетическом силлогизме». В частности, его автор считает, что качество условного суждения однозначно определяется качеством его консеквента. Этот труд, по-видимому, приписывался Александру Афродизийскому, но на основе того, что он принимает за неподходящую трактовку условных суждений и гипотетических силлогизмов, Авиценна считает, что это не может быть труд «великолепнейшего из поздних ученых» (*Ibid.* P. 159–160). Несмотря на сходство взглядов на условные суждения, исследования гипотетического силлогизма Боэция и Авиценны имеют мало общего.

⁴⁶ *Kneale W., Kneale M. The Development of Logic. Corrected ed. Oxford, 1975. P. 191.*

⁴⁷ *Barnes J. Boethius and the Study of Logic. P. 83.*

Или, если условное суждение отрицательное, оно опровергается таким же образом: когда мы говорим «если A , то не B », не нужно доказывать ни того, что A нет, ни того, что B есть, а скорее, что, когда есть A , B может быть. Некоторые гипотетические пропозиции утвердительные, другие — отрицательные... они утвердительные, когда мы говорим «если A , то B » или «если не A , то B »; отрицательные, когда «если A , то не B » или «если не A , то не B ». Чтобы решить, какой является условная пропозиция, утвердительной или отрицательной, нужно обратиться к консеквенту <DHS I, ix, 5–7>.

Это представляется мне совершенно недвусмысленным. Мы доказываем, что условное предложение не может выражать следование демонстрацией того, что его антецедент имеется в наличии, а его консеквент — нет. Боэций не может дать нам пропозицию, которая распределяла бы с условной истину и ложь, так как для него соединение не образует пропозицию и, хотя мы этого не обсуждали, он понимает возможность в смысле *de re*. Он мог запастись пропозицией, выражающей неотделимость, которая не была бы условной, как он и делает в комментариях на «Топику» Цицерона. Однако, отрицания соединений не упоминаются в трактате «О гипотетическом силлогизме», возможно, потому что они не рассматривались как выражающие требуемую объяснительную [explanatory] связь.

Ничто в замечаниях Боэция не подтверждает утверждение Нилов о том, что одно условное суждение — это «отрицание» другого, и Боэций никогда так не выражается. То, что он предлагает, это скорее классификация условных суждений по качеству. Классификация точно такого же вида, как те, что характеризуют « A есть B », «все A суть B » и «некоторые A суть B » как утвердительные и « A не есть B », «не каждый A есть B » и «ни один A не есть B » как отрицательные. Должна быть проделана определенная работа, чтобы показать, как специфическая пара распределяет истину и ложь.

Причина того, что Боэций классифицирует сложные пропозиции таким образом, заключается, возможно, в его стремлении к тому, чтобы они удовлетворяли стандартному описанию пропозиции как выражения, обозначающего, что истинно или что ложно, и подчиняющегося принципу Аристотеля, согласно которому истина и ложь имеет дело с соединением и отделением. «Если A , то B » обозначает связь между бытием A и бытием B , «если A , то не B » — отделение одного от другого. Способом уничтожить субстанцию первого условного суждения будет, конечно же, подтверждение того, что второе истинно. Они противоположны, но это не важно, поскольку Боэций считает их противоречащими. Единственная польза, которую он извлекает из классификации, — это ее применение в обобщении до составных условных суждений, он утверждает, что отношение следования существует между отрицательным антецедентом и утвердительным консеквентом, если и только если они непосредственно противопоставляются.

Уже была указана одна причина полагать, по которой Боэций считает, что противоречащее отрицание условного суждения получается в результате изменения качества его консеквента — это его толкование фигур и модусов гипотетического силлогизма в трактате «О гипотетическом силлогизме». Он, как я говорил, истолковал как приемлемые фигуры и $\models P \supset (Q \supset R)$, $\models Q \supset \neg R$, следовательно, $\models \neg P$ и $\models (P \supset \neg Q) \supset R$, $\models \neg R$,

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

следовательно, $\models P \supset Q$ и, таким образом, он обязывает себя к закону условно исключенного третьего. Однако, если что-либо и ясно из его толкования гипотетического силлогизма, то это то, что он не основан на этом принципе.

Я уже доказал, что Боэций не имел возможности обратиться за помощью к пропозициональной подстановке, и, таким образом, он не мог ввести единственную схему с утвердительным антецедентом и отрицательным консеквентом. То, что мы обнаруживаем в трактате «О гипотетическом силлогизме» достаточным образом подтверждает это. Семьдесят утомительных страниц посвящены проверке, как он утверждает, всех возможных форм гипотетического силлогизма. Каждое изменение качества составляющих пропозиций во всех допустимых формах условного суждения рассматривается им поочередно. В частности, Боэций много раз доказывает, почему мы не можем утверждать консеквент. Так, он настаивает, что из «если A , то B » и «это B » не следует из «это A », так как, например, что-либо, что является животным, может быть, а может и не быть человеком. Закон условно исключенного третьего здесь проваливается снова и снова. Мы должны находить различные объяснения кажущимся особенностям в перечислении гипотетических силлогизмов.

Первое, что стоит отметить, это упорство Боэция в том, что условные предложения могут быть условными пропозициями, только если они содержат правильное условие. Мы выяснили, что могут быть бессодержательные истинные условные суждения, но требование строгой неотделимости, очевидно, могло удовлетворяться тривиально либо принятием истинного условного суждения за консеквент, либо ложного — за антецедент. Боэций не допустил бы того, что первый вид соединения является условным суждением, «так как не похоже, что приложенное условие придает следствию необходимость» *<DHS II, iv, 5>*. Странно, однако, то, что в его обсуждении условных суждений вида «если верно, что, если A , то B , то верно C » он не требует не того, что антецедент не должен быть ложным, а того, что он не должен быть истинным. Возможно, он здесь заботится не о бессодержательности, а скорее о том, что существование консеквента никогда не может быть условием истинности простого условного суждения. Большая посылка первого гипотетического силлогизма второго класса, «если так, что A , то, если B , то C » должна, таким образом, быть такой, что бытие B отделимо от бытия C . Большая посылка же первого гипотетического силлогизма третьего класса, «если так, что, если A , то B , то верно, что C » должна быть такой, что бытие A отделимо от бытия B . Оба требования накладываются на большие посылки силлогизмов пятого класса.

Составные условные суждения — это особый вид конструкций, и спорным вопросом является то, какие из них, среди тех, что имеют условный антецедент, имеют смысл в английском языке. Проблема с условными суждениями Боэция, однако, не столько в том, что он их допускает, а скорее в правилах вывода, которые, как он считает, им свойственны. Так как консеквент условных суждений второго класса необходимо ложен, похоже, что подстановка *modus ponens*, который исходит из истинного антецедента, приводит к ложному заключению, и потому такая подстановка оказывается незаконной. Возражение, я полагаю, должно быть таким, что то, что следует — это не общее условное суждение «если A , то B », а скорее подстановка « x таков, что, если это A , то это B ». Так как соответствующее общее условное

суждение ложно, частное условное суждение не может выражать объяснительную связь — оно скорее указывает на неотделимость для x бытия A от бытия B . То есть говорит о том, что если общая связь указывает на объяснительную связь природного следования, частное условное суждение может выражать только акцидентальную неотделимость.

Все это соответствует анализу гипотетических силлогизмов Боэция, проделанному Абельяром⁴⁸. Однако, поскольку Абельяр в действительности толковал их как примеры правил удаления условных пропозиций, он не мог допустить то, что он принимал за ошибочное воспроизведение отрицания условного суждения в качестве отрицания его консеквента. Я думаю, что мы, напротив, можем принять это, раз мы понимаем дальнейшие ограничения, которые Боэций накладывает на общие термины, подставленные в его схемы. Таким образом, описывая вторую фигуру, он пишет:

Давайте посмотрим пропозиции по порядку и подумаем над их индивидуальной природой вот таким образом: первая пропозиция, в которой утверждается «если верно, что A , то, если B , то C », должна быть такой, что B может-таки быть без A , однако, если A должно быть, то не может быть такого, что нет B , с другой стороны, тот же термин B может также быть, когда нет термина C , и, таким образом, нет необходимости того, что, если постулируется B , то также есть C . Существование C необходимо только тогда, когда термин B следует из термина A , как, например, когда A — человек, B — одушевленное, C — животное. Одушевленное может быть отделено от человека и от животного, однако если это человек, то необходимо, что он одушевлен, и так как из одушевленности следует свойство быть человеком, то из этого следует то, что это самое одушевленное есть животное <DHS II, iv, 6>.

Таким образом, в терминах неотделимости, мы имеем силлогизм такого характера только в тех случаях, когда: 1) бытие B неотделимо от бытия A , 2) бытие A неотделимо от бытия B , 3) бытие B неотделимо от бытия C , 4) бытие C неотделимо от неотделимости бытия B от бытия A .

К сожалению, Боэций не включает диаграммы в свои работы. Подходящей в такой ситуации была бы такая:

C	не-C	Животное
A	не-A	Человек
B	не-B	Одушевленное
-1-	-2-	

Диаграмма показывает относительную протяженность общих терминов A , B , и C . Чтобы обеспечить требуемую неотделимость, должны выбираться соответствующие термины. Так как связующий принцип должен указывать на объяснительную связь, все они должны принадлежать одной и той же категории. Боэций выводит все свои термины для второй и третьей фигур силлогизмов из категории субстанции. Здесь,

⁴⁸ *Abaelardus P. Dialectica / ed. L. M. De Rijk. 2nd ed. IV.2, P.н 505sq.*

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

A — человек, B — одушевленное, C — животное. Условное суждение выполняется, потому, что это так для любого индивида, который является A , что то же самое, если сказать, что он попадает в область 1 диаграммы, т. е. бытие B неотделимо «в нем» от бытия C . Таким образом, так как Сократ — человек, бытие животного «в нем» неотделимо от бытия одушевленного. Большие посылки остальных силлогизмов второй фигуры получают путем перебора всех изменений терминов по качеству. Ограничения остаются такими же, за исключением того, что в условных суждениях с отрицательным антецедентом и утвердительным консеквентом Боэций использует два термина, необходимо совпадающих по протяженности. В таких случаях утверждение антецедента и отрицание консеквента допустимо благодаря *complexio propositionum*⁴⁹, а утверждение консеквента и отрицание антецедента — благодаря, как он говорит, *natura rerum*⁵⁰.

Исходя из того, что он допускает второй класс гипотетических силлогизмов только для терминов, соотнесенных таким образом, мы можем признать подтверждение заключения $\neg A$ из $A \supset (B \supset C)$ и $B \supset \neg C$. Если что-либо таково, то его бытие B неотделимо от того, что оно не бытие C , оно должно располагаться в области 2 и, таким образом, это не может быть A .

Боэций накладывает ограничение точно такого же типа на большие посылки силлогизмов третьего класса. Соответствующая диаграмма для его первого модуса:

C	не-C	Животное Человек Одушевленное
B	не-B	
A	не-A	
←1→	←2→	

Если что-либо таково, что быть одушевленным неотделимо в нем от бытия человека, то оно попадает в область 1 диаграммы и, таким образом, это должно быть животным. Однако, если что-либо не является животным, то из этого никоим образом не следует, что быть одушевленным неотделимо в нем от бытия человеком. Оно вполне может совсем не быть одушевленным. Либо Боэций ошибается, либо он имеет в виду еще одно ограничение. Это то, как он подводит итог третьего класса силлогизмов:

Во всех силлогизмах, описанных выше, действует принцип: если термин B принимается только в силу того, что он приводится в большей посылке, то термин C выводится точно таким же образом в силу того, что он приведен в большей посылке. Но если термин C допускает образом, противоположным тому, которым он приводится в большей пропозиции, то и термин B будет выведен в заключении противоположным образом <DHS II, viii, 5>.

Здесь не упоминается о термине A , и Боэций, судя по всему, допускает его применимость на протяжении всего рассуждения. Он, так сказать, интерпретирует со-

⁴⁹ *Complexio propositionum* — связь предложений, термин средневековой логики. У Боэция *non complexionis natura — sed terminorum natura (proprietas)*, т. е. не природа связей, а природа (свойства) терминов. — *PL*. Т. 64. Col. 868B (примеч. науч. ред.).

⁵⁰ *Natura rerum* (лат.) — по природе вещей (примеч. науч. ред.).

ставные пропозиции как «если что-либо, что есть *A*, является *B*, то это *C*». И это именно то, что ему нужно, так как, если мы согласны ограничить наше внимание по отношению к некоторым *A* и знаем, что бытие *C* неотделимо от неотделимости бытия *A* от бытия *B*, то, если мы обнаружим, что одно из наших *A* не есть *C*, то мы можем заключить, что это необходимо не *B*. Такое рассуждение допустимо, и оно не опирается на закон условно исключенного третьего. Мы можем учесть ограничения на эти *A*, добавляя соответствующие посылки в силлогизм, предполагая, что Боэций этого не делал, потому что он придерживался того, что силлогизм имеет только две посылки. Однако здесь может быть больше составных пропозиций, чем он нам сказал. Есть что-то безусловно своеобразное в том, как он описывает пятую фигуру силлогизма. Здесь он приводит примеры условных суждений, такие как «если верно то, что, если это человек, то это — врач, то верно то, что, если он одушевлен, то он искусен». Однако бытие человека, конечно же, ни в коем случае не неотделимо от бытия врача, и, таким образом, силлогизм с такой основной посылкой может не иметь приложения. С другой стороны, нетрудно составить диаграмму для четырех терминов одной категории и выразить условное суждение, которое отвечало бы условиям Боэция, которые позволяют получать правильные рассуждения. Например, «если верно то, что, если это смертно, то это — человек, то верно то, что, если это тело, то это — животное». Пятая фигура силлогизма обеспечивает дальнейшее доказательство, если необходимо то, что совсем не интересовало Боэция и что мы посчитали бы за парадигмы логических отношений. В нескольких случаях в работе «О гипотетическом силлогизме» он доказывает принцип контрапозиции: «если верно то, что, если *A*, то *B*, то верно то, что, если не *B*, то не *A*». Однако, согласно его описанию таких пропозиций, если антецедент, а также соответствующий консеквент истинны, то условное суждение не может представлять собой большую посылку гипотетического силлогизма <DHS IX, 1>!

Хотя теория составных гипотетических силлогизмов Боэция немного непонятна, и трудно представить, какую пользу из таких рассуждений можно извлечь, кажется понятным, что она не опирается на закон условно исключенного третьего. Однако остается одно место, где он, следуя Аристотелю, похоже, непосредственно обращается к этому принципу.

В своем обсуждении отношений между модальностями в трактате «Об истолковании», 13, Аристотель утверждает, что из «необходимо» должно следовать «возможно», в противном случае должно следовать отрицание «невозможно»⁵¹. Он продолжает рассуждать так:

*если «необходимо», то «возможно»,
если «возможно», то «не невозможно»,
если «не невозможно», то «не необходимо»,
следовательно, если «необходимо», то «не необходимо».*

Заключение, как говорит Боэций, неприемлемо либо затруднительно. И в «Об истолковании» оно избегается отбрасыванием допущения, что «не необходимо» следует из «возможно». Скорее следует, что «не необходимо, что не...».

⁵¹ 2IDI 13. P. 432-446.

Вопреки очевидности мне кажется, что то, что мы здесь имеем — это не обращение к закону условно исключенного третьего, а скорее доказательство от обратного, опирающееся непосредственно на закон исключенного третьего для категорических суждений. Рассуждение проводится следующим образом: допустим, A — это необходимым образом B . Как и везде, A либо может быть B , либо не может. Но это невозможно. Так, если для A необходимо быть B , то B возможно. Вывод осуществляется независимо от выбора A или B . Умозаключение кажется предвосхищающим то, что оно должно доказывать, невозможность того, что B одновременно необходимо и невозможно, но суть не в этом. В общем, мы ни к чему не приходим, допуская, что A есть B , и ничего не получаем из того, что C либо есть, либо нет. Между прочим, это рассуждение представлено в таком же виде в качестве доказательства от обратного у Аммония⁵². Так как больше ничего из того, что говорит Боэций, не указывает на принятие закона условно исключенного третьего, а большая часть того, что он говорит, — против него, нам определенно не следует приписывать ему этот принцип, когда доступна такая правдоподобная альтернатива.

Приводящее в замешательство заключение рассуждения Аристотеля напоминает заключение другого рассуждения, присутствие версии которого в трактате «О гипотетическом силлогизме» имело решающее значение для развития теории условных суждений в XII в. Во второй книге «Первой Аналитики» <II. 4, 57a13sq> Аристотель известным образом доказывает, что одно и то же заключение не может следовать из двух пар посылок, одна из которых состоит из отрицания других. Это доказательство известно в силу того, что Аристотель, похоже, применяет пропозициональные переменные, опираясь на законы пропозициональной логики, и разочаровывается, потому что он не учитывает различие между отрицанием конъюнкции и конъюнкцией отрицаний⁵³.

Боэций не делает ничего из этого. Он неожиданно замечает в середине своего обсуждения условных суждений, что пришло время объяснить утверждение Аристотеля: «нет необходимости в том, что одно и то же существует, если что-либо есть и если чего-либо нет одновременно». Он интерпретирует это так, что утверждения: «если A , то B » и «если не A , то не B » не могут быть истинными одновременно. Здесь приводится то, как он это доказывает:

- 1) если A , то B — допущение,
- 2) если не B , то не A — контрапозиция: 1,
- 3) если не A , то B — гипотеза,
- 4) не B — гипотеза,
- 5) не A — МР: 2,4,
- 6) B — МР: 3,5.

Следовательно, если «если A , то B » и «если не A , то B » одновременно истинны, B будет следовать из не B . Боэций считает, что это невозможно. Это действительно так в его теории условных суждений, поскольку B — это простой общий термин.

⁵² *Ammonius*. In *Aristotelis de Interpretatione Commentarium*. P. 236–238.

⁵³ См.: *Geach P.* Aristotle on Conjunctive Propositions // *Logic Matters*. Berkley, 1980.

Можно построить точно такой же вывод, чтобы показать, что истинность «если A , то B » несовместима с истинностью «если A , то не B », что доказывает, что не A не может следовать из A . Как я упомянул вначале, Сторрс Макколл прозвал закон пропозициональной логики $\vdash(P \supset Q) \supset \neg(P \supset \neg Q)$ тезисом Боэция. Я решительно это не одобряю. В силу всех перечисленных мной причин этот закон не имеет места в логике Боэция. Более того, мы знаем, кто высказал его впервые и предоставил доказательство. Это был Пьер Абеляр, бесконечно тонкий логик, чье имя должно почитаться, где только возможно. К несчастью, этот закон аннулирует его логические достижения. В отличие от логики Боэция логика Абеляра включала пропозициональные операции на пропозициональном содержании. В частности, пропозициональное отрицание и пропозициональное соединение. Они смешиваются с его принципом, согласно которому пропозиция не может влечь свое собственное отрицание, во взрывоопасную смесь⁵⁴:

1. $(A \wedge \neg A) \supset A$ — симплификация.
2. $(A \wedge \neg A) \supset \neg A$ — симплификация.
3. $\neg A \supset (A \wedge \neg A)$ — контрапозиция: 1.
4. $(A \wedge \neg A) \supset (A \wedge \neg A)$ — транзитивность: 2,3.
5. $\neg((A \wedge \neg A) \supset \neg(A \wedge \neg A))$ — принцип Абеляра.

На Западе пропозициональная логика открывалась, пожалуй, три раза: стоиками, Абеляром и в XX в. Фреге и другими логиками. Каждый раз шли ожесточенные споры, какая из пропозициональных логик является корректной. Я надеюсь, что сказанное мной поможет оценить роль трудов Боэция во втором из этих споров и понять достижения тех, кто опирался на них как на свои основные источники.

Оклендский университет

⁵⁴ См.: *Martin C. J. Embarrasing Arguments.*